

Т.В. Жиброва*

T.V. Zhibrova*

**Женщина в русской провинции
XVII в. (по материалам юга России)****Woman in the Russian province
of the 17th century (on the materials
of the Southern Russia)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-10

УДК 94(47).04“16”

Выходные данные для цитирования:

Жиброва Т.В. Женщина в русской провинции XVII в. (по материалам юга России) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 10. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-10.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-10

How to cite:

Zhibrova T.V. Woman in the Russian province of the 17th century (on the materials of the Southern Russia) // Historical Courier, 2019, # 3 (5). Article 10. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-10.pdf>

Abstract. The article presents the problems of the legal status of Russian women under the conditions of the South Russian province during the 17th century by the example of materials of prikaz (administrative offices), customs houses and pubs of the Voronezh, Elets, Belgorod and other counties. The realities of southern Russia, noted in the research literature of recent years, differed from the conditions prevailing in the center of the country. In that region for a long time, local authorities, so-called vоеводы, played the most important role, it is obvious that during that period of time these authorities had absolute power. In the South Russian cities “on the field” (i. e. on the frontier) had their own special features. There were less women, more military men, less people were peasants. Very little is known about any facts connected with ordinary women in Russia in the Modern Age, and the lack of sources is a real problem. That is why any references to women in archival documents are of great interest and valuable for gender studies. In this regard, the author presents archival materials, mostly connected with customs and tavern management in the South of Russia. The article analyzes different materials with cases of customs and tavern routine, describes cases of mentioning names of provincial women (in written and archival documents).

Keywords: Southern Russia; widows; maidens; wives; customs house; tavern.

The article has been received by the editor on 25.12.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового положения русской женщины в условиях южнорусской провинции на протяжении XVII в. на примере материалов приказных учреждений, таможенных изб и кабацких дворов Воронежского, Елецкого, Белгородского и других уездов. Реалии юга России, в обозначенный период представлявшего собой, как отмечается в исследовательской литературе последних лет, территорию фронта, отличались от условий, сложившихся в центре страны. На юге России долгое время важную роль играло воеводское управление, власть местных администраторов была практически абсолютной, им принадлежали все полномочия, и именно воеводы осуществляли общее управление уездами, контроль за таможнями и питейными заведениями, надсматривали за повседневной жизнью и бытом населения. В южнорусских городах «на поле», т. е. на окраине страны, довольно долго преобладало служилое мужское население, мирный посад здесь первоначально отличался немногочисленностью. Так как сведения о какой-либо деятельности простых незнатных женщин в России Нового времени крайне малочисленны в связи с недостаточностью источников, любые

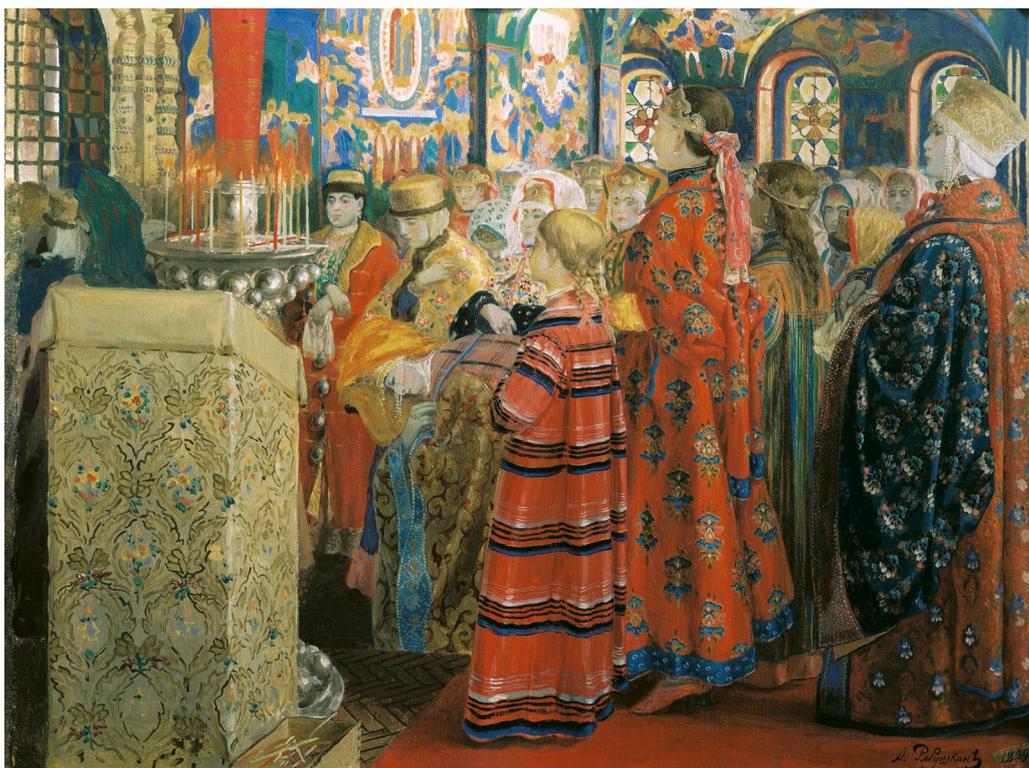
* **Жиброва Татьяна Валерьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (Воронеж, Россия), e-mail: tashazhibrova@rambler.ru

Zhibrova Tatyana Valer'evna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Humanities Department of Voronezh State Medical university named after N.N. Burdenko (Voronezh, Russia), e-mail: tashazhibrova@rambler.ru

упоминания о них в архивных документах вызывают интерес и представляют ценность для гендерных исследований. В этой связи автор приводит архивные материалы, касающиеся таможенного и питейного управления на местах и содержащие информацию, способную пролить свет на то, что собой представлял быт простых обывательниц на юге России. В статье анализируются делопроизводственные материалы южнорусских съезжих изб, таможен и кружечных дворов, описываются случаи упоминания (в челобитных, отписках в Москву и других документах) имен провинциальных обывательниц.

Ключевые слова: XVII век; юг России; корчма; таможенная изба; кружечный двор; вдовы; девицы; жены.

* * *

А.П. Рябушкин. Русские женщины XVII столетия в церкви (1899 г.)

На сегодняшний день гендерные исследования приобретают все большую популярность. Приведем в пример работу О.Н. Власкиной и Н.А. Сипягина, посвященную положению женщин в эпоху домостроя¹. Авторы описали хозяйственные задачи женщины, ее роль в воспитании детей, подчеркнули ее зависимость от мужчины. В статье А.А. Люцидарской положение женщин XVII в. рассматривается на региональном материале сибирских уездов². Е.С. Анпилогова предприняла попытку проследить динамику стереотипов и оценок в отношении женщины на рубеже XVI–XVIII вв.³ И.Е. Видт в своей работе «Женщина в общественном сознании россиян XVII–XIX вв.: культурологический аспект» приходит к выводу о постепенном изменении существовавших в русском обществе стереотипов в

¹ Власкина О.Н., Сипягин Н.А. Положение русской женщины эпохи домостроя // Наука и культура России: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посв. Дню славянской письменности и культуры. Самара, 2011. С. 22–25.

² Люцидарская А.А. Женщина в XVII веке (по материалам истории Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 11–14.

³ Анпилогова Е.С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48; Она же. Влияние традиционных ценностей христианской культуры на повседневность россиянки раннего Нового времени // Булгаковские чтения. 2010. № 4. С. 285–292.

сторону предоставления женщинам большей свободы⁴. Следует упомянуть также объемную работу швейцарского историка Н. Бошковской, посвященную положению русской женщины в XVII столетии⁵.

Вне зависимости от того, что авторы хотят рассмотреть в первую очередь: культурологические особенности эпохи, бытовую сторону жизни русской женщины или правовые аспекты, все исследования обозначенного исторического периода неизбежно сталкиваются с трудностями сбора источниковой базы⁶. В материалах уездных и городских служб, съезжих изб, таможенных, кабацких документов, челобитных земских старост и других должностных лиц практически не встречается упоминания женских имен.

Женщина в обозначенный нами временной отрезок ничем не примечательна, так как не интересна государству, она не включена в правовые отношения и взаимоотношения власти и общества. Ее роль пассивна. Она не платит налоги, не несет повинности, не владеет имуществом. Сначала дочь подчиняется отцу, потом переходит к мужу, о вдовах заботятся родственники-мужчины. Тем более ценны любые сведения, которые позволяют оценить статус женщины и ее роль в рассматриваемый исторический период. В этой связи большой интерес представляет, на наш взгляд, региональный материал.

Юг России в XVII столетии в исследовательской литературе обозначают как территорию фронта, обладавшую своей спецификой и в некоторых аспектах сильно отличавшуюся от центра страны, что не могло не сказываться на жизни простых обывателей⁷. Так называемые «города на поле» своим возникновением были обязаны необходимости решения первоочередной военной задачи – защите южных рубежей государства от постоянных набегов кочевников. Среди присущих региону особенностей – традиционно высокая роль местной администрации в лице воеводы, а также структура местного населения: преобладание числа служилых людей, малочисленность посадского населения.

Источники о жизни населения юга России в XVII в. содержат, в основном, материал по военной истории, экономической и хозяйственной жизни региона. Нами использовалась делопроизводственная документация южнорусских съезжих изб (преимущественно Воронежа, Ельца и Белгорода), а также данные, извлеченные из таможенных и кабацких книг. На юге России сбор таможенных и кабацких пошлин находился в ведении одного и того же административного аппарата под управлением таможенного и кабацкого головы. Одной из обязанностей таможенных и кабацких служителей на протяжении нескольких столетий была борьба с корчемством, то есть с изготовлением нелегальных спиртных напитков. Головы тщательно фиксировали в отчетных документах имена правонарушителей, корчемное имущество и изготовленные напитки которых изымались в пользу государственного кабака (позднее кружечного двора)⁸.

Интересно, что среди южнорусских корчемников можно найти женские имена. Так, в сентябре 1617 г. одна из корчемных точек была выявлена в г. Ельце на дому у некоей Марии Кузнечихи. Это прозвище дает возможность предположить род занятий мужа или отца женщины. Без сомнения, работа кузнеца в городе-крепости считалась очень важной, ведь качественная конская упряжь, подковы и оружие высоко ценились у служилых людей. Корчемница была выявлена самими местными жителями и поймана с поличным. Отметим,

⁴ Видт И.Е. Женщина в общественном сознании россиян XVII–XIX вв.: культурологический аспект // AUSSIBERIEN-2004: Германно-российские культурные встречи. Дни немецкой культуры в Тюменской области: науч.-информ. сб. 2004. С. 49–51.

⁵ Бошковская Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб., 2015.

⁶ См., напр.: Ильина В.А. Русская женщина как объект несостоявшегося исторического исследования // Человек в истории. Сб. материалов науч.-теор.конф. Петропавловск-Камчатский, 2002. С. 44–53.

⁷ Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI–первой половине XVIII века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 7–15. См. также: Жиброва Т.В. «Бить батогами нещадно»: Воронежский уезд как фронт XVII в. // Журнал Фронтирных Исследований. 2016. № 3. С. 7–17; Бурцев И.Г. О невеликорусском элементе служилого населения южнорусского фронта XVI–XVII вв. // Историческая демография. 2011. № 2 (8). С. 4–6.

⁸ Жиброва Т.В. «Ценовые росписи» южнорусских таможен и кружечных дворов XVII в. как исторический источник // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 274–278.

что Мария, судя по источнику, уже попадалась на производстве нелегальной алкогольной продукции. Обнаруженный у нее на дому посетитель, так называемый «питух» – ямщик Федор Шепелев подтвердил, что ранее поручался за женщину, за что сам же заплатил по тем временам большой штраф: полполтины за то, что сам пил в корчме, да еще два рубля за то, что брал Марию «на поруки». Что толкало женщину на правонарушение? Почему к делу не привлекались родственники-мужчины? Можно предположить, что Мария Кузнечиха была на тот момент вдовой, и других источников существования, кроме изготовления подпольных спиртных напитков, у нее не было. В ходе разбирательства корчемная точка была ликвидирована, а вино конфисковано в пользу елецкого кабака. Дальнейшая судьба Марии неизвестна⁹.

Отметим, что важным событием середины XVII в. стал запрет кабаков и появление единственного на весь город кружечного двора. 11 августа 1652 г. в Москве был проведен «Собор о кабаках» боярской думы и церковного собора с участием патриарха Никона. По сути это была одна из первых реформ питейного дела в России. Согласно принятым решениям, во всех российских уездах ликвидировались все частные питейные заведения, впервые вводилась регламентация времени продажи вина и его количества. Запрещалась продажа вина духовным лицам, нельзя было наливать вино или пиво «питухам», то есть пьющим в долг или под заклад имущества. Отныне питейные заведения не работали во время постов, по средам, пятницам и воскресеньям. Кабаки были официально переименованы и назывались теперь кружечными дворами, которыми ведали только выборные головы и целовальники. Популярными ранее азартные игры: зернь (кости), карты, шахматы, были строго запрещены. На кружечном дворе нельзя было, как прежде, остаться переночевать, преследовались «кабацкие женки» и скоморохи с гуслими¹⁰.

Интерес представляет вопрос о наличии среди южнорусских «питухов» женщин – можно ли применительно к XVII в. вести речь о пьянстве среди женского населения? Приведем в пример яркие впечатления Адама Олеария – иностранца, посетившего Россию как раз в описываемый нами период, который писал «о природе русских, их душевных качествах и нравах» следующее: «Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что, если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно»¹¹. Впрочем, юг России путешественник не посещал, свои воспоминания оставил под большим впечатлением от увиденного в столице, а к его записям следует относиться с осторожностью и критикой.

В нашем распоряжении имеются материалы по Воронежскому уезду, относящиеся к 90-м гг. XVII столетия, когда откупщиком Воронежской таможенной избы и кружечного двора был купец гостиной сотни Борис Полосин. В 1695 г. откупщик сообщал в Москву, что собранная им сумма таможенных и питейных пошлин могла бы быть больше, но за истекший период «ратные люди, также и воронежцы всяких чинов жители» пили немного и «то утайкою». Дело заключалось в том, что начальники этих ратных людей полковники и подполковники разных полков запретили своим солдатам пить на кружечном дворе. Борис Полосин жаловался на то, что возле воронежского кружечного двора выставили караулы, чтобы не пускать туда «ратных людей для покупки питей [...] чтоб они на кружечном дворе не пропивались». Еще одна причина низких сборов – массовое участие воронежцев в подготовке стругов к донскому отпуску следующего года. Как сообщает откупщик, «воронежцы и иных городов и уездов жители были у стругового дела в борах, а в домех их мужеска полу кроме малых ребят никого не было»¹². Несмотря на то, что прямо в этих документах женщины не упоминаются, мы видим, что, по мнению предприимчивого откупщика, главные «питухи» южнорусских кружечных дворов – это все-таки мужчины,

⁹ Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011. С. 160.

¹⁰ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 94–95.

¹¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 252.

¹² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-182. Оп. 7. Д. 73. Л. 1–7.

которые покупали вино большими партиями, пили вскладчину. Женское присутствие среди «питухов», посетителей кружечного двора не приветствовалось.

Среди материалов южнорусских кабаков (кружечных дворов) и таможен можно найти также единичные упоминания о женах корчемников, сбежавших голов или нерадивых целовальников, которые должны были ставиться на «правеж»¹³, то есть отвечать за недобор личным имуществом. Так, например, к 1680 г. относится конфликт таможенного и кабацкого откупщика г. Доброго М.И. Белоусова с жителями села Богородицка. М.И. Белоусов направил в Москву челобитную с жалобой на драгуна из этого села, который «продал вина 4 кувшина [...], а взял рубль и мне, государь, от той воровской продажи убытки»¹⁴. Характерна сама формулировка в челобитной добренского откупщика: «...мне велено следить, чтобы безъявочно не торговали, и вино не продавали»¹⁵. В феврале того же года по этой челобитной был организован сыск. Драгуна допрашивали в приказной избе вместе с семьей, били и его, и, что особенно важно для нас, его жену. Однако драгун в своей вине не сознался, утверждая, что он вино «не продавал, а дал в уплату за те деньги как долг»¹⁶.

Нередко для решения вопроса о недоборе таможенных и кабацких денег из столицы присылали так называемых сыщиков, которые проводили расследование путем проведения повального сыска, то есть опроса всех местных жителей¹⁷. Среди материалов сыска иногда встречаются показания жен или матерей подозреваемых¹⁸.

И.Г. Прыжов следующим образом описывает правеж: «Праветчики, разделив между собою виновных, ставили их в ряд и, начав с первого, били тростью, длиной в полтора локтя, поочередно ударяя каждого по икрам и таким образом проходя ряд от одного края до другого. За расправой наблюдал судья из окна. Расправа производилась ежедневно, кроме праздников, от восхода солнца до 10–11 часов утра, и каждый подвергался правежу, пока не выплачивал долга...»¹⁹. Помимо подобной расправы верные головы лишались своего имущества, которое подлежало конфискации в пользу государства.

Помимо дел о драках, вокруг южнорусского кабака и таможи проходило немало конфликтов, связанных с кражей товаров или неуплатой за них пошлин. Особенный интерес вызывает дело 1694 г. В январе этого года в воронежскую стрелецкую и казачью избу поступила челобитная воронежского полкового казака А. Сенчишкина о краже у него рыбы и избивении его казаком Г. Озаровым²⁰. В своих показаниях Алексей Елфимович Сенчишкин утверждал, что его в декабре ограбили и избивали, в то время как он «ехал домой со скотиною». Это, кажущееся на первый взгляд простым, дело получило широкую огласку и открыло неожиданные подробности, вскрывающие всю сложность и неопределенность, связанную с процессом сбора таможенных пошлин с местного населения.

Истец А. Сенчишкин подал челобитную, в которой обвинял Г. Озарова в препятствии уплаты таможенной пошлины, за что также подразумевалось наказание²¹. И истец, и ответчик стояли на своем, и даже поклялись в своей правоте. Сенчишкин просил также допросить свидетелей – жителей Подклетной слободы отца и сына Позняковых, и жену Усова в том, что они видели, как его избивали. Герасим Озаров отказался признавать вышеупомянутых свидетелей в связи с тем, что у его семьи издавна были конфликты с семьей Позняковых. Однако последних все-таки допросили, так как Сенчишкин сослался на государев указ и на Соборное Уложение, где «в таком иску ссылочных людей отвадить не

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского ст. Д. 75. Л. 21–21об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного ст. Д. 504. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного ст. Д. 504. Л. 22.

¹⁹ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 1991. С. 94–95.

²⁰ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 53. Л. 3–9.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.

указано»²². Пока дело рассматривалось, и Герасим Озаров, и Алексей Сенчишкин были отданы на поруки, о чем по указу стрелецкого и казачьего головы Семена Филимоновича Мальцева были составлены поручные записи²³. Рассмотрение дела затянулось на несколько месяцев.

Рассмотрим также еще один такой немаловажный аспект применительно к обозначенной исторической эпохе, как выделение женщинам юга России прожиточных земель (то есть долей поместья, предназначенных исключительно для «прокормления»). Сразу заметим, что такая практика была исключительным, а не рядовым событием, и потому подобные случаи заслуживают особенного внимания. По материалам Воронежской съезжей избы выявляются земельные участки в с. Грязном, Рядном, Чертовицком, дер. Айдаровой и Гололобовой, находившихся в собственности двух вдов: Анны Калининны Челюсткиной и Марии Никулы Щуровой. Эти земли представляли собой поместья, которые не могли надолго «выходить из службы»²⁴ и использовались в исключительных случаях. Е.В. Камараули приводит данные писцовой книги, в которой были учтены двенадцать прожиточных владений: из них четыре представляли собой совладения вдов и дочерей, семь – владения одиноких вдов и девиц, и одно принадлежало жене служилого человека, пропавшего без вести в татарском плену²⁵.

Таким образом, характерные для юга России, как для территории фронта, отличительные особенности сказывались на положении проживавших здесь русских женщин. Более тяжелые, по сравнению с центром страны, бытовые условия, постоянная угроза военного нападения, большая вероятность потери кормильца – отца или мужа – создавали ситуацию, когда государство начинало видеть в женщине подданного, наделенного такими же правами и обязанностями, как и мужчина. Женщина-правонарушительница подвергалась допросу, сыску, правезу, уплачивала штрафы, наделялась землей. Однако все эти случаи встречались крайне редко и были скорее исключениями.

Литература

Анпилогова Е.С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48.

Анпилогова Е.С. Влияние традиционных ценностей христианской культуры на повседневность россиянки раннего Нового времени // Булгаковские чтения. 2010. № 4. С. 285–292.

Бошковска Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб.: Алетей, 2015. 523 с.

Бурцев И.Г. О невеликорусском элементе служилого населения южнорусского фронта XVI–XVII вв. // Историческая демография. 2011. № 2(8). С. 4–6.

Видт И.Е. Женщина в общественном сознании россиян XVII–XIX вв.: культурологический аспект // AUSSIBERIEN-2004: Германо-российские культурные встречи. Дни немецкой культуры в Тюменской области: науч.-информ. сб. Тюмень, 2004. С. 49–51.

Власкина О.Н., Сипягин Н.А. Положение русской женщины эпохи домостроя // Наука и культура России: Материалы VIII Междунар. науч.-практич. конф., посв. Дню славянской письменности и культуры. Самара, 2011. С. 22–25.

²² ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ В южнорусских уездах практиковалась служба однодворцев, которые получали за выполнение военной повинности земельные участки «для прожитка», поэтому, когда часть такой земли временно передавалась вдовам или дочерям, она считалась «вышедшей из службы».

²⁵ *Камараули Е.В.* Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 51.

Жиброва Т.В. «Бить батогами нещадно»: Воронежский уезд как фронтир XVII в. // Журнал Фронтирных Исследований. 2016. № 3. С. 7–17.

Жиброва Т.В. Вдовы, девицы и жены юга России в XVII веке (на примере материалов съезжих изб и кружечных дворов) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: Материалы XI междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Нижний Новгород, 2018. Т. 1. С. 237–239.

Жиброва Т.В. «Ценовные росписи» южнорусских таможен и кружечных дворов XVII в. как исторический источник // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 274–278.

Ильина В.А. Русская женщина как объект несостоявшегося исторического исследования // Человек в истории: Сб. мат-лов науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 2002. С. 44–53.

Камараули Е.В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 47–52.

Люцидарская А.А. Женщина в XVII веке (по материалам истории Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 11–14.

Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула: Гриф и К, 2011. 208 с.

Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 7–15.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. М.: Наследие, 1991. 270 с.

References

Anpilogova, E.S. (2009). Russkaya zhenshhina v vospriyatii sovremennikov na rubezhe XVII–XVIII vekov [Russian Woman as Perceived by the Contemporaries at the turn of the 17–18th Centuries]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 92, pp. 45–48.

Anpilogova, E.S. (2010). Vliyanie traditsionnykh tsennostey khristianskoy kul'tury na povsednevnost rossiyanki rannego Novogo vremeni [Impact of Traditional Values of Christian Culture on the Every Day Life of Russian Women in the Early Modern Age]. In *Bulgakovskie chteniya*. No. 4, pp. 285–292.

Boshkovska, N. (2015). *Mir russkoy zhenshhini semnadtsatogo stoletiya* [The World of a Russian woman in the Seventeenth Century]. St. Peterburg, Aleteya. 523 p.

Burtsev, I.G. (2011). O nevelikorusskom elemente sluzhilogo naseleniya yuzhnorusskogo frontira XVI–XVII vv. [On the Non-Russian Element of Service Class People on the South Russian Frontier in the 16–17th Centuries]. In *Istoricheskaya demografiya*. No. 2(8), pp. 4–6.

Vidt, I.E. (2004). Zhenshhina v obshhestvennom soznanii rossiyan XVII–XIX vv.: kul'turologicheskiy aspekt [Woman in the Russian Social Consciousness of Russians in the 17–19th centuries]. In *AUS SIBERIEN-2004 Germano-rossiyskie kul'turnie vstrechi. Dni nemetskoy kul'turi v Tyumenskoy oblasti: nauchno-informatsionnyy sbornik*. Tumen, pp. 49–51.

Vlaskina, O.N., Sipyagin, N.A. (2011). Polozhenie russkoy zhenshhiny epokhi domostroya. In *Nauka i kul'tura Rossii*. Samara, pp. 22–25.

Zhibrova, T.V. (2016). “Bit batogami neshchadno”: Voronezhskiy uezd kak frontir XVII v. [Beat with Rods Mercilessly: Voronezh Uyezd as Frontier in the 17th Century]. In *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. No. 3, pp. 7–17.

Zhibrova, T.V. (2018) Vdovi, devitsi i zheny yuga Rossii v XVII veke (na primere materialov s'ezzhikh izb i kruzhechnykh dvorov) [Widows, maidens and wives in Southern Russian in the 17th

century (as exemplified by the materials of government offices (“s’ezzhaya izba”) and taverns (“kruzhechnyy dvor”)). In *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kulturnykh protsessakh rossiyskoy urbanizatsii XIV–XXI vekov*. Moscow. Vol. 1, pp. 237–239.

Zhibrova, T.V. (2017). “Tsenovnyye rospisi” yuzhnorusskikh tamozhen i kruzhchnykh dvorov XVII v. kak istoricheskiy istochnik [Price Lists of South Russian Customs Houses and Taverns in the 17th Century as Historical Sources]. In *Rus’. Rossiya. Srednevekov’e i Novoe vremya*. No. 5, pp. 274–278.

Il’ina, V.A. (2002). Russkaya zhenshina kak ob’yekt nesostoyavshegosya istoricheskogo issledovaniya [Russian Woman as Object of Unimplemented Studies]. In *Chelovek v istorii. Sbornik materialov nauchno-teoreticheskoy konferentsii. Petropavlovsk-Kamchatskiy*. Petropavlovsk-Kamchatskiy, pp. 44–53.

Kamarauli, E.V. (2017). Sluzhiliye gruppi v sostave zemlevladel’tsev Voronezhskogo uyezda v pervoy treti XVII veka: razmeshchenie po stanam, osobennosti pomestnogo i votchinogo vladeniya [Groups of Service Men Among the Landowners of Voronezh Uyezd in the First Third of the 17th Century: distribution by countries, peculiarities of pomestie and votchina tenures]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. No. 3, pp. 47–52.

Lyucidarskaya, A.A. (2003). Zhenshina v XVII veke (po materialam istorii Sibiri) [Woman in the XVII century (on the materials of Siberian history)]. In *manitarnie nauki v Sibiri*. [Humanities in Siberia]. No. 3, pp. 11–14.

Lyapin, D.A. (2011). *Istoriya Eletskego uyezda v kontse XVI–XVII vekov* [History of Yelets uyezd in the late XVI–XVII centuries]. Tula, Grif i K. 208 p.

Mizis, YU.A., Skobelkin, O.V., Papkov, A.I. (2015). Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII veka [Theory of Frontier and Southern Russia in the 16th – First Half of the 18th century]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 10 (150), pp. 7–15.

Oleariy, A. (2003). *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of the Journey to Muscovy]. Smolensk, Rusich. 480 p.

Pryzhov, I.G. (1991). *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriey russkogo naroda* [History of pubs in Russia in Connection with the History of Russian people]. Moscow, Nasledie. 270 p.

Статья поступила в редакцию 25.12.2018 г.